

АКТЕРСКАЯ БРАТИЯ

Экран и сцена -
1996. -
29 февр. -
7 марта -
46, 7

Внутренняя цельность Гинкаса-личности, равно, как и Гинкаса-режиссера, рождается из сочетания несочетаемого: резкий, весь состоящий из острых углов, парадоксальный в суждениях и в манере поведения, подчас вежливо-язвительный, наверное, даже наверняка, у многих способный вызывать и раздражение, и неприязнь, но суть его иная. Только в жизни он ее скрывает столь же тщательно, как и на сцене. Наверное, стесняется. Мы вообще привыкли стесняться: благих порывов, высоких слов, душевных излияний. Маска напускного, спасительного цинизма, бравады, а за ней? А за ней — у Гинкаса — и нежность, и способность вдруг захлебнуться словом, чтобы не выдать волнения и слез, когда зайдет речь о только что свершившемся уходе Бродского.

Совсем негромкий вечер, устроенный в его честь в Литературном музее на Петровке (музее, которого уже практически нет, поскольку самым верным путем к "возрождению духовности" у нас почему-то оказалось разрушение музеев, архивов, библиотек; тема не новая, как, впрочем, и многие иные темы), приоткрыл мне в Гинкасе все то, о чем я мог догадываться, равно как и то, о чем не подозревал. Вечер вела Мария Седых: театральный критик, человек, давно и хорошо Гинкаса знающий. Второе обстоятельство оказалось в данном случае не менее важным, чем первое, ибо с самого начала установился тон — нет, не "междусобойчика", но особой доверительности, та атмосфера камерной сцены, на которой так замечательно ощущает себя Гинкас-режиссер, и в которой, как мне показалось, особенно тепло, уютно и естественно чувствовал себя в тот вечер Гинкас — кто? Я поставил дефис и задумался: в самом деле, а кем же был Гинкас в этот вечер: вечер, происходивший ровно на девятый день после кончины Бродского, с которым знакомы они были еще по Ленинграду, "в те баснословные года". Вечер, на котором были друзья режиссера и, разумеется, его спутница жизни, а теперь еще, неожиданно, и актриса его театра — Генриетта Яновская, чье присутствие (отнюдь не безгласное!) в этом зале, несомненно, вносило во все происходившее свою особую краску. Были там и молодые актеры ТЮЗа — театра, в котором Гинкасу удалось воплотить давние свои заветные замыслы. Были критики — много, и разных поколений: от Виктора Калиша, знакомого с Гинкасом еще с юности и замечательно про него рассказывавшего, до совсем молодых, внимавших почтительно, перебивавших независимо и дерзко. И их почтительность, и их дерзость герою вечера, как мне показалось, вполне импонировали. Сам таким был — почтительным и дерзким одновременно, еще совсем недавно, и прекрасно все помнит, и потому хватает юмора не изображать из себя всезнающего "мэтра". Да и зачем ему: он и без того мэтр, причем без всяких кавычек и привычно вкладываемого в это слово иронического смысла.

Вот это сочетание вечного мальчишки, фрондера, еще по привычке, по инерции всегда готового к отпору, к ответной резкости, колкости, и человека, уже познавшего сладость признания и потому отчасти расслабившего внутреннюю пружину, ощутившего и ту головокружительную легкость, что приходит после победы, и тот мучительный трепет, когда каждый следующий спектакль должен стать еще большей победой, — вот

“Сравнительные жизнеописания” не по Плутарху

это сочетание, быть может, гремучая смесь, и составляет, наверное, суть сегодняшнего Гинкаса.

"Мизансцена" вечера: пустынный подвал бывшего монастыря (что было здесь раньше?) со сводчатым потолком и крашеными простой белой известью стенами, свисавшими веревками, с которых уже сняты были некогда висевшие здесь портреты (чьи?) — сошлась со сценографией последнего спектакля Гинкаса "Казнь декабристов". Там — сценография, то есть нечто придуманное, созданное фантазией художника, здесь все — сама естественность, плод той фантазии, что рождается жизнью, ее течением. Когда две эти "фантазии" совпадают, значит художник точно угадал что-то самое главное. Мне кажется, Гинкас угадал это самое главное очень давно, вначале, когда ставил в Красноярском ТЮЗе своего "Гамлета". Его тогдашние виттенбергские студенты и его сегодняшние молодые люди 1825 года; и сами они, наши современники, эти шестидесятники, тысячекратно осмеянные и охаянные, и Гинкас один из них, равный среди равных. Все вместе, все слитно, в едином "беге времени", в едином потоке жизни.

Встреча с Гинкасом менее всего походила на "творческий вечер", скорее попытка портрета (и автопортрета), штрихи к биографии (и наброски автобиографии), наплывы воспоминаний, в которых и ностальгия, и горечь от того, что прошло, и счастье от того, что это было. И вполне серьезные размышления, и забавные истории, и актерские "подначки". Было весело и грустно. Было интересно. И остался в зрительной памяти абрис героя, сидящего вполоборота и напряженно к чему-то прислушивающегося, к чему-то, слышному ему одному. Может быть, это придумывался новый спектакль. А может, он и думал о чем-то совсем другом, вполне несерьезном и легкомысленном. Не угадаешь. Потому-то с Гинкасом и интересно, что никогда не угадаешь, что у него на уме и каких от этого ждать последствий. Не угадаешь, не стоит и пытаться.

Юрий ФРИДШТЕЙН.